

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОМУЗЫКОЛОГИИ

ISSUES OF ETHNOMUSICOLOGY

М. Н. Иванова

Музыкально-стилевые особенности вариантов лирической песни «Сон молодца»

Аннотация

В статье приводятся результаты сравнительного изучения вариантов лирических песен, объединённых сюжетом «Сон-предзнаменование несчастливой судьбы (солдатства/гибели) молодца». Наибольшая общность обнаруживается на уровне поэтических текстов. При сопоставлении напевов выявляются как черты сходства, так и различия, обусловленные спецификой музыкального стиля локальной песенной традиции, к которой относится тот или иной образец. Сравнительное изучение вариантов позволяет сделать некоторые выводы об исторической эволюции песенной формы.

Ключевые слова: русская лирическая песня, «Сон молодца», вариант, напев, стиль, традиция, донские казаки, кубанские казаки.

М. N. Ivanova

Music style features of the variants *Young Fellow's Dream* lyrical song

Summary

Comparative study of the variants of lyric songs with the plot *Young Fellow's Dream* bad omen allows to identify the typological relationship of samples at the level of their poetic and musical components. As an example, the article demonstrates the songs recorded from the Don and Kuban Cossacks. The commonality of tunes at a deep level indicates the relationship of the samples, while the differences are explained by the musical and stylistic properties of a particular local tradition in which their songs exist. The Don Region tunes, when compared with the variants recorded in the Kuban Region, preserve more ancient musical and stylistic features.

Keywords: russian lyrical song, *Young Fellow's Dream*, variant, tune, style, tradition, Don Cossacks, Kuban Cossacks.

Статья поступила: 05.03.2019.

Сравнительные исследования вариантов народных песен, имеющих единый сюжет и относящихся к различным региональным традициям России, проводятся с конца XIX века и актуальны до настоящего времени. Один из основных вопросов состоит в том, обнаруживают ли образцы, сходные в поэтическом отношении, типологическое родство на различных уровнях музыкальной структуры? Этот вопрос невозможно раскрыть без привлечения достаточного количества вариантов, записанных на разных территориях. Значимым в решении задачи является учёт закономерностей бытования лирических песен в системе региональных песенных традиций.

В статье будут рассмотрены варианты лирических песен, объединённые сюжетом «Сон-предзнаменование несчастливой судьбы (солдатства/гибели) молодца» (далее — «Сон молодца»)¹. Приведём пример поэтического текста, записанный в станице Успенской Белоглинского района Краснодарского края.

«Мáла-мáла да мне ночку спалось, мнóга-мнóга
ва сне видел я,

Бúдта, бúдта коник мой варóнинькай, узыгрáл-
се конь мой пáда мной.

Абарвáлся залатóй кинжалик с мавó лёва, лёва-
ва бедра.

Свалилась мая чёрная шáпачка с маёй буйнай,
буйнай галáве.

Хтó бы, хто бы да маё гóря знал бы, всё пра сон
мой, сон мой рассказал?

Абазвáлась старая старушечка — родная ма-
менька мая.

— Как паéдешь, дитё мая милая, в чужу дáль-
нею да сторанú служить,

На чужой жа на дальней на старóнушке, знать
убíтаму, убíтаму быть.

А конику тваéму варóнаму знать падстрéлина-
му быть»².

Многочисленные варианты лирических песен с сюжетом «Сон молодца» были зафиксированы в песенных традициях европейской части России. Сравнительное изучение поэтических текстов позволило выделить три версии сюжета, которые различны по характеру

изложения основного содержания и внутреннему наполнению поэтических мотивов:

Первая версия сюжета — «сон-предзнаменование службы в солдатах, вдовства/сиротства родных» — распространена на севере России, а также в Тверской, Псковской, Кировской и Ульяновской областях. Эти песни по своей тематике связаны с жанровой группой рекрутских песен.

Вторая версия сюжета — «сон-предзнаменование гибели молодца/казака/Степана Разина» — в большей степени распространена в среде казачества³, а также была зафиксирована в Смоленской области. Варианты этих песен в жанровом отношении являются яркими образцами молодецкой лирики. Поэтические тексты, записанные от уральских и оренбургских казаков, содержат упоминание о Степане Разине и могут быть отнесены к группе исторических.

Третья версия сюжета — «сон-описание убитого на чужбине молодца» — бытует как в казачьих традициях, так и на западе и юге России. В поэтических текстах преломляются мифологические образы и представления о слиянии умершего человека с миром природы. Варианты песен восходят к ранним формам молодецкой лирики.

В рамках настоящей статьи будут представлены варианты песен, бытующих в среде донских и кубанских казаков и связанных со второй версией сюжета.

В публикациях и доступных архивных коллекциях представлены образцы (см. рис. 1), относящиеся к донским традициям и зафиксированные в Верхнедонском (ст. Шумилинская — 1, ст. Казанская — 2, хут. Солонцовский — 3), Шолоховском (хут. Антиповский — 4; хут. Кружилинский — 6) и Волгодонском (ст. Каргальская — 7) районах Ростовской области и Кумылженском районе (ст. Букановская — 5) Волгоградской области. В зоне расселения кубанских казаков напев известен исполнителям, проживающим на территории Белоглинского (с. Белая Глина — 8, ст. Новолокинская — 9, ст. Успенская — 10,

хут. Туркинский — 11) и Кавказского (ст. Дмитриевская — 12, ст. Кавказская 14) районов Краснодарского края и прилегающего к ним Новоалександровского района Ставропольского края (ст. Расшеватская — 13)⁴.

Всего для сравнительного анализа привлекается четырнадцать вариантов песен, записанных от донских (7) и кубанских (7) казаков⁵. В данной статье представлены наиболее показательные из них (см. примеры 1, 2).

Варианты поэтических текстов, распространённые в среде казачества, оказываются весьма близкими и обнаруживают практически дословное совпадение. Вместе с тем отметим, что в кубанских вариантах текстов представлены все мотивы, составляющие сюжет: «сообщение о недобром сне» — «содержание сна» — «толкование сна», тогда как в большинстве донских вариантов представлена только начальная часть сюжета, после чего в повествование вплетаются поэтические мотивы, относящиеся к другим песням и лишь опосредованно связанные с рассматриваемым сюжетом⁸.

В музыкальном отношении варианты, записанные на Дону и на Кубани, на первый взгляд, сходства не обнаруживают. Тем не менее, подробный анализ структурных и стилиевых особенностей напевов позволяет выявить общность исследуемых образцов.

На первом уровне обобщения слогоритмической основы напевов, относящихся к традициям донских и кубанских казаков, выявляется структура, в которой сочетаются принципы силлабической и тонической организации. С одной стороны, постоянные внутрискладовые цезуры разделяют строку на четыре слоговые группы, с другой стороны, выделенные долготой фразовые акценты указывают на их первостепенную роль, что является признаком тонической организации (см. пример 3).

Особенностью вариантов, зафиксированных от донских казаков, является большая степень развитости внутрискладовых распевов, в связи с этим происходит укрупнение длительностей во второй половине мелостроки¹⁰. Стилиевой чертой песен с сюжетом «Сон молодца» в кубанских

традициях становится большая стабильность и обособленность отдельных ритмических групп, вследствие чего в них преобладают принципы силлабической организации ритмического периода, которые обнаруживают себя в чётком совпадении мелодических и ритмических цезур, появлении пауз, возникающих на границах полустихий и между обособленными слоговыми группами.

На более высоком уровне обобщения слогоритмической структуры донских и кубанских напевов можно обнаружить общую исходную модель, имеющую в основе силлабо-тонический принцип организации — 8+7 слогов (пеон 3-го разряда). В связи с этим можно сделать вывод о длительном и активном процессе развития напевов, в результате которого под влиянием мелодического начала образовывались вторичные ритмические композиции¹¹, в которых нашли отражение песенные особенности донских и кубанских песенных традиций.

Отмеченные особенности ритмики в исследуемых традициях обусловлены закономер-

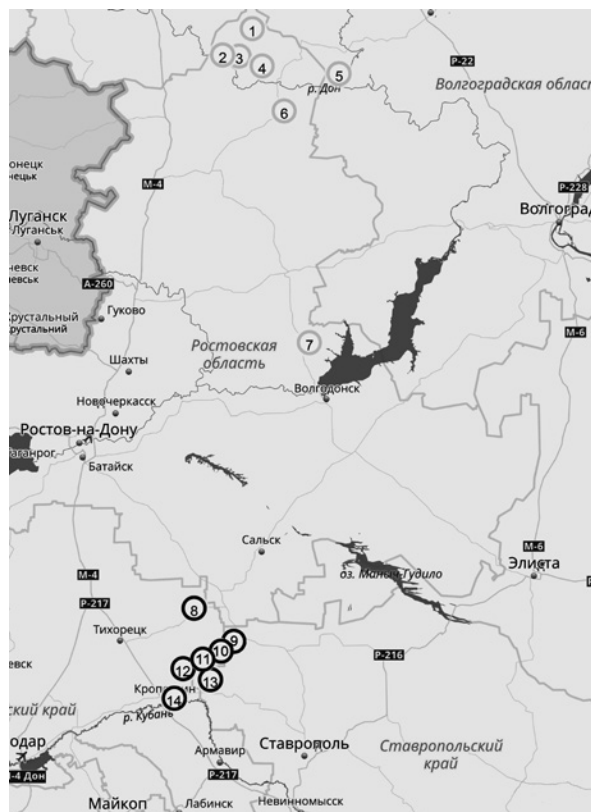

Рис. 1

1
 Вариант напева, записанный в хут. Солонцовский⁶

А - ой, мне ны - не-шню-ю но - че - нху (а) ра-зма-шам мне спя-лось, мло-га на сне виде - лось,
 ой, да ...лу - (ю) - ше...
 ай, да б'у-лга - б'у - лга, да ра - з'у - ше - (е) - чка он ло-брай
 во - т(а), во-т(ы) ра-зы - Гра... (с - с - с) - лес (а) бы (с-с), да ко - (с) - н(и) да сн, да сн па да - мной.
 вот па-да

Вариант напева, записанный в с. Белая Глина⁷

2

Ой, мно-га, мно-га, да ва снє ви-де-л(ы)я

с о-й, о-х(ы), да бу-дга, да ко-ви-к(ы) мо-й(и) да ва-ро... (о) - се-н(и)-жай

у-зы-г(ы) - ра-да ко-н(и) мо-й(и) па-да м(ы) - ной.

ностями образования протяжной формы лирической песни. Именно на уровне мелодики донские и кубанские варианты напевов обнаруживают самые значительные различия.

В напевах, записанных в Ростовской и Волгоградской областях, наблюдается главенство мелодического начала, в результате чего происходит разрастание музыкально-поэтической формы и её качественное преобразование. Развитый внутрислоговой распев подвергается

вторичной подтекстовке, и в результате поэтический текст наполняется вставными междометиями, восклицаниями, дополнительными слогами (огласовками, суффиксами), «расшатывающими» структуру стиховой строки. Показательной является мелодическая композиция напева из хутора Солонцовский, в котором за счёт протяжных внутрислоговых распевов создаётся ощущение непрерывного звукового потока, которое усиливается благодаря особой «текучести», подвижности фактуры, где голоса исполнителей перекрещиваются, взаимодополняя друг друга.

В песнях, записанных от кубанских казаков, основным принципом мелодического разрастания напевов становится связывание разделов формы при помощи внедрения новых мелодических построений — добавления вставок-возгласов (которые имеют самостоятельное значение в композиции напевов — см. пример 4) и повтора отдельных частей мелодикофразы.

Несмотря на отмеченные различия на уровне мелодической организации, можно обозначить следующие закономерности, обнаруживающие общность донских и кубанских напевов:

— общность устойчивых мелодических оборотов (попевок), имеющих различное местоположение в музыкальной форме (в примере 5 подобные попевки отмечены одинаковыми цифрами);

— сложная структура лада, основанная на сопоставлении двух простых ладовых структур, главные опорные тоны которых находятся в квартовом соотношении;

3 Слогоритмический период в донских (а) и кубанских (б) вариантах песни «Сон молодца» (первый уровень обобщения)

а) Первое полустишие:

4				+	8 ⁹								+				
Буд- та-	буд- та,	раз- ду-	печ- ка доб- рай	ко- ник,													
-	-	-	-	-													
Сы- ле-	та- ла	с не- во	си- не -я фу-	ра- жеч- кя,													
У	У	У	У	У													
За- га-	ра- лась	вся чис-	та- я брат- цы	по- лош- ка,													
У	У	У	У	У													

Второе полустишие:

4 ⁵				+	7 ⁶							
ра- зыг-	рал-	сэ	конь	да он па-	да мной.							
У	У	У	У	У	У							
с я- во	с буй-	най	с буй- най	а- на га- ла-	вы.							
У	У	У	У	У	У							
не- из-	вст-	на по-	ле а- на ат	чи- во.								
У	У	У	У	У	У							

б) Первое полустишие:

4				+	6 ⁷							
Буд- та,	буд- та	ко- ник мой	ва- ро- нень- кай,									
У	У	У	У									
А- бар-	вал- ся	за- ла- той	кин- жа- лик									
У	У	У	У									
Сва- ли-	ла- ся	да чёр- на-	я ша- пач- ка,									
У	У	У	У									

Второе полустишие:

4				+	5				
у- заг-	рал-	ся	конь мой	па- да мной,					
У	У	У	У	У					
с ма- го	ле- ва...	ле- ва- ва	бед	ра					
У	У	У	У	У					
с ма- ей	буй-	най,	буй- най	га- ла- вы.					
У	У	У	У	У					

4 Варианты вставок (связующих мелодических оборотов): соединяющая запев (1) и серединный раздел (3) в напеве из с. Белая Глина

Сопоставление обобщённой ладовой структуры вариантов напевов, записанных в хут. Солонцовский и с. Белая Глина

— сходные звукоядры, лежащие в основе попевок и предполагающие переменность ладового наклонения.

Обозначенные общие принципы мелодической организации напевов могут свидетельствовать о взаимосвязи традиций донских и кубанских казаков и существовании единого попевочного фонда не только в отношении донской традиции¹², но включающим в себя и некоторые кубанские напевы. Вместе с тем существует возможность перехода (заимствования) напева из одной традиции в другую и его «прорастание» в новой традиции — вбирание стиливых черт и свойств, ей присущих.

Стилевая специфика рассматриваемых вариантов песен во многом связана с особенностями фактуры, которую в обоих традициях можно определить как «функциональное двухголосие» (термин Е. В. Гиппиуса) [6. С. 49], «функционально дифференцированное многоголосие» (Т. С. Рудиченко) [10. С. 162], «контрастное двухголосие» (термин В. М. Щурова) [13. С. 80]. Степень самостоятельности голосов в двух традициях будет различна.

В напевах, записанных от донских казаков, дишкант функционально самостоятелен. Помимо особой тембровой характеристики, верхний голос ведёт собственную линию, которая сходится в октавный унисон с партией нижнего голоса в узловых точках напева (зоны изменения основной ладовой опоры, заключительный тон напева). Важным показателем является относительная ритмическая свобода дишканта, связанная в том числе со звучанием некоторых участков напева без текста (распеваются отдельные гласные).

В вариантах напевов, записанных от кубанских казаков, в фактуре более значимым является нижний голос; верхний выделяется по тембровым показателям, но с функциональной точки зрения в большинстве случаев представляет собой терцовую втору. В ритмическом отношении голоса, как правило, не обособлены — согласованно воспроизводят общий ритмический рисунок. Подобные особенности многоголосия можно объяснить проявлением закономерностей ладо-гармонического мышления, так, например, характерным признаком кубанских напевов является возникновение созвучий терцовой структуры.

В процессе анализа вариантов песни с сюжетом «Сон молодца», зафиксированной в двух традициях казачества, оказывается возможным проследить как черты сходства, так и различия между ними и обнаружить признаки, свидетельствующие об исторической эволюции песенной формы. Попытаемся предположить, с чем связаны выявленные закономерности.

Сходство в ритмическом отношении свидетельствует о несомненном родстве напевов с единым сюжетом. В мелодическом отношении варианты лирической песни «Сон молодца» обнаруживают большое разнообразие, вместе с тем при подробном анализе удаётся выделить родственные в мелодическом отношении попевки, звучащие в определённой последовательности.

Различия в вариантах напевов и текстов, записанных в разных регионах, обусловлены, прежде всего, связями формы, содержания и стилистических характеристик песни с доминантными свойствами конкретной локальной традиции, в рамках которой она существует. Так, несомненное главенство мелодического начала в песнях донской традиции приводит к расширению, усложнению структуры напева. Для песен с сюжетом «Сон молодца» кубанской традиции ведущим принципом становится членённость музыкальной формы и наличие общеансамблевых цезур в процессе пения. Однако это свойство нельзя считать характерной чертой кубанской традиции в целом, что связано с многокомпонентностью истоков данной традиции, в результате которых единый стиль так и не успел сложиться. Во всяком случае, при изучении этой традиции можно различить песни, которые имеют казачье, южнорусское, украинское происхождение. Другая возможная причина — малая сохранность песен, относящихся к пласту молодецкой лирики.

Сравнение вариантов напевов с единым сюжетом, зафиксированных в разных региональных традициях, позволяет размышлять об исторической эволюции песен с сюжетом «Сон молодца». При сравнении вариантов оказывается, что поэтический текст не даёт нам подоб-

ной возможности (различия фиксируются лишь на уровне полноты представленных мотивов, при практически дословном совпадении текста), а ключевыми характеристиками в этом отношении обладает музыкальная составляющая песен. В результате сравнительного анализа в напевах, записанных от донских казаков, обращает на себя внимание предельное усложнение мелодики и ладовых закономерностей, тогда как в родственных им кубанских напевах появляются созвучия терцовой структуры, возникают более простые, «мозаичные», принципы построения музыкальной формы протяжной песни (путём добавления вставных распевов, а также повторов частей строки). Перечисленные особенности напевов, записанных от кубанских казаков, являются признаками более позднего историко-стилевого пласта. Учитывая несомненное родство напевов, зафиксированных в рассматриваемых традициях, проявление в кубанских напевах фактуры, в которой верхний голос зачастую является терцовой второй по отношению к нижнему, можно также рассматривать как упрощение более сложных в отношении фактуры донских напевов. В какой-то степени представленные выводы согласуются и с общей историей образования казачьих войск и расселения казаков.

Примечания

- ¹ В конце XX века песня получила условное название «Сон Степана Разина» и всенародное признание во многом благодаря концертной деятельности Ж. Бичевской, которая записала текст песни в одной из поездок и, позже, сама сочинила музыку (см.: *Велигжанина А.* Жанна Бичевская: «Я сказала Пугачёвой, что мы с ней из разных профсоюзов» // Комсомольская правда [Электронный ресурс]. — URL: <https://m.spb.kp.ru/daily/26449.3/3318332/>. Дата обращения: 15.06.2017). В одной из статей указано, что песня была записана певицей в Ростовской области (см.: *Забавских Э.* Моя песня — баллада [Электрон-

- ный ресурс]. — URL: <http://www.zhannabichevskaya.ru/stati6.htm>. Дата обращения: 15.06.2017).
- ² Архив Фольклорно-этнографического центра имени А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова (далее — ФЭЦ СПбГК), основной аудиофонд (далее — ОАФ). № 8003-86. Краснодарский край, Белоглинский р-н, ст. Успенская. Исп.: Алтухова В. И., 1927 г. р., Шевякина Н. И., 1928 г. р., Подковзина В. М., 1941 г. р., Алтухова А. Д., 1939 г. р. Зап.: Лобкова Г. В., Суханова И. В., Демидова А. М. 06.08.2008.
- ³ Т. С. Рудиченко упоминает донские варианты данной песни и относит их к группе мужских «песен службы: протяжных и полупротяжных» [10. С. 414].
- ⁴ Рядом с названием населённого пункта приводится его порядковый номер, указанный на карте-схеме (рис. 1).
- ⁵ В рамках данной статьи автор ограничивается вариантами записей, имеющих напевы.
- ⁶ ФЭЦ СПбГК. ОАФ. № 3470(3). 18.40. Ростовская обл., Верхнедонской р-н, хут. Солонцовский. Исп.: Щепкина Дарья Семёновна, 1908 г. р., Лежёв Фёдор Петрович, 1906 г. р., Титов Василий Фёдорович, 1911 г. р., Щепкина Мария Петровна, 1924 г. р., Кочетугова Клавдия Евгеньевна, 1929 г. р., Тобальсков Александр Семёнович, 1912 г. р., Щепкина Пелагея Ивановна, 1916 г. р. Зап.: Скунцев В. Н. 14.07.1983.
- ⁷ ФЭЦ СПбГК. ДФ-Р. № 33. Краснодарский край, Белоглинский р-н., с. Белая Глина. Песни Дона и Кубани: [Исполнители — А. Каргальский и этнографический ансамбль с. Белая Глина Краснодарского края] / Сост.: А. Мехнецова и Т. Павловой. Мелодия. 1986. С 20 23399 004. Для примера приведена вторая строфа напева.
- ⁸ «Уж вы братцы мои, братцы» — поэтический мотив содержит просьбу молодца к товарищам не покидать его в беде; «Загоралась вся чистая поля» — поэтический мотив является частью другого, характерного для казачьих лирических песен сюжета «соколик подпалил крылышки». В донской традиции эти тексты могут также существовать в качестве самостоятельных песен, исполняющихся на тот же напев, что и песни с сюжетом «Сон молодца» [10. С. 414].
- ⁹ Представленные слогоритмические модели составлены на основе обобщения вариантов напевов из хут. Солонцовского и с. Белая Глина.
- ¹⁰ Это подтверждается наблюдениями Б. Б. Ефименковой, которая отмечает, что «в традиционной лирике мелодическое „разбухание“ не было равномерным. Оно затрагивало слоговые времена формулы разной степени, наибольший рост приходился на самые значимые места ритмической структуры — края построений, икты» [8. С. 199].
- ¹¹ Процессы возникновения вторичной ритмической композиции подробно описаны в издании [8. С. 193–230].
- ¹² «Стилевое ядро казачьих песен принадлежит к типу центонных композиций и, несмотря на возможное различие в многоголосном распеве, имеет общий мелодический фонд» [10. С. 149].

Список литературы

References

1. *Gippius E. V.* Общетеоретический взгляд на проблему каталогизации народных мелодий // Актуальные проблемы современной фольклористики: Сб. статей и материалов / Сост. В. Е. Гусев. — Л.: Музыка, 1980. — С. 23–36 [*Gippius Ye. V.* Obshchetoreticheskiy vzglyad na problemu katalogizatsii narodnykh melodiy // Aktual'nyye problemy sovremennoy fol'kloristiki: Sb. statey i materialov V. Ye. Gusev. — L.: Muzyka, 1980. — S. 23–36].
2. *Digun T. V.* Слоговая музыкально-ритмическая форма в донецких протяжных песнях // Традиционное и современное народное музыкальное искусство / Сост. Б. Ефименкова. — М., 1986. — С. 182–204 (Сб. тр. ГМПИ им. Гнесиных. Вып. 29) [*Digun T. V.* Slogovaya muzykal'no-ritmicheskaya forma v doneckih protyazhnykh pesnyah // Tradicionnoe i sovremennoe narodnoe muzykal'noe iskusstvo / Sost. B. Efimenkova. — M., 1986. — S. 182–204 (Sb. tr. GMPI im. Gnesinyh. Vyp. 29)].
3. *Енговатова М. А.* Песенный тип «Горы» в протяжных песнях Ульяновского За-волжья // Традиционное и современное народное музыкальное искусство /

- Сост. Б. Б. Ефименкова. — М., 1986. — С. 137–181. (Сб. трудов ГМПИ им. Гнесиных. Вып. 29) [*Engovatova M. A. Pesennyj tip «Gory» v protyazhnyh pesnyah Ul'yanovskogo Zavolzh'ya // Tradicionnoe i sovremennoe narodnoe muzykal'noe iskusstvo / Sost. B. B. Efimenkova. — М., 1986. — S. 137–181. (Sb. trudov GMPI im. Gnesinyh. Vyp. 29)].*
4. *Енговатова М. А.* Об одной группе мелодико-ритмических композиций закамских лирических неприуроченных песен // Традиционное народное музыкальное искусство восточных славян / Отв. ред. Б. Б. Ефименкова. — М., 1987. — С. 138–159. (Сб. трудов ГМПИ им. Гнесиных. Вып. 91) [*Engovatova M. A. Ob odnoj gruppe melodiko-ritmicheskikh kompozicij zakamskih liricheskikh nepriurochennyh pesen // Tradicionnoe narodnoe muzykal'noe iskusstvo vostochnyh slavyan / Otv. red. B. B. Efimenkova. — М., 1987. — S. 138–159. (Sb. trudov GMPI im. Gnesinyh. Vyp. 91)].*
 5. *Енговатова М. А., Ефименкова Б. Б.* Звуковысотная организация русских народных песен в свете структурно-типологических исследований // Мир традиционной музыкальной культуры. — М.: 2008. — С. 6–44. (Сб. трудов РАМ им. Гнесиных. Вып. 174) [*Engovatova M. A., Efimenkova B. B. Zvukovysotnaya organizaciya russkikh narodnyh pesen v svete strukturno-tipologicheskikh issledovanij // Mir tradicionnoj muzykal'noj kul'tury. — М.: 2008. — S. 6–44. (Sb. trudov RAM im. Gnesinyh. Vyp. 174)].*
 6. *Енговатова М. А., Ефименкова Б. Б.* К вопросу типологии русского песенного многоголосия // Мир традиционной музыкальной культуры. — М., 2008. — С. 44–62. (Сб. трудов РАМ им. Гнесиных. Вып. 174) [*Engovatova M. A., Efimenkova B. B. K voprosu tipologii russkogo pesennogo mnogogolosiya // Mir tradicionnoj muzykal'noj kul'tury. — М., 2008. — S. 44–62. (Sb. trudov RAM im. Gnesinyh. Vyp. 174)].*
 7. *Ефименкова Б. Б.* Ритмика русских традиционных песен. Учебное пособие по курсу «Народное музыкальное творчество» / Отд. науки и образования РАМ им. Гнесиных. — М.: Издательство МГИК, 1993. — 154 с. [*Efimenkova B. B. Ritmika russkikh tradicionnyh pesen. Uchebnoe posobie po kursu «Narodnoe muzykal'noe tvorchestvo» / Otd. nauki i obrazovaniya RAM im. Gnesinyh. — М.: Izdatel'stvo*
 - MGIK, 1993. — 154 s.].*
 8. *Ефименкова Б. Б.* Ритм в произведениях русского вокального фольклора. — М.: Композитор, 2001. — 256 с. [*Efimenkova B. B. Ritm v proizvedeniyah russkogo vokal'nogo fol'klora. — М.: Kompozitor, 2001. — 256 s.].*
 9. *Лобкова Г. В.* Методы обобщения интонационно-ладовой структуры напевов // Климент Васильевич Квитка и актуальные проблемы этномузыкологии / Науч. ред. Н. Н. Гилярова. — М., 2009. — С. 89–111 [*Lobkova G. V. Metody obobshcheniya intonacionno-ladovoj struktury napevov // Kliment Vasil'evich Kvitka i aktual'nye problemy etnomuzykologii / Nauch. red. N. N. Gilyarova. — М., 2009. — S. 89–111].*
 10. *Рудиченко Т. С.* Донская казачья песня в историческом развитии. — Ростов-на-Дону: Издательство Ростовской государственной консерватории им. С. В. Рахманинова, 2004. — 512 с. [*Rudichenko T. S. Donskaya kazach'ya pesnya v istoricheskom razvitii. — Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Rostovskoj gosudarstvennoj konservatorii im. S. V. Rahmaninova, 2004. — 512 s.].*
 11. *Рудиченко Т. С.* О песенной традиции родины А. М. Листопадава (к вопросу о многоголосии казачьей песни) // Традиционное и современное народное музыкальное искусство / Ред.-сост. Б. Б. Ефименкова. — М., 1976. — С. 205–225. (Сб. трудов ГМПИ им. Гнесиных. Вып. 29) [*Rudichenko T. S. O pesennoj tradicii rodiny A. M. Listopadova (k voprosu o mnogogolosi kazach'ej pesni) // Tradicionnoe i sovremennoe narodnoe muzykal'noe iskusstvo / Red.-sost. B. B. Efimenkova. — М., 1976. — S. 205–225. (Sb. trudov GMPI im. Gnesinyh. Vyp. 29)].*
 12. *Рудиченко Т. С.* По следам экспедиций А. М. Листопадава // Культура донского края: страницы истории. — Ростов-на-Дону, 1993. — С. 150–168 [*Rudichenko T. S. Po sledam ekspedicij A. M. Listopadova // Kul'tura donskogo kraja: stranicy istorii. — Rostov-na-Donu, 1993. — S. 150–168].*
 13. *Щуров В. М.* Южнорусская песенная традиция. — М.: Советский композитор, 1987. — 304 с. [*Shchurov V. M. Yuzhnorusskaya pesennaya tradiciya. — М.: Sovetskij kompozitor, 1987. — 304 s.].*